

Научная статья

УДК 327

EDN:ALJFQR

Статья опубликована на условиях лицензии
Creative Commons Attribution 4.0
International License

МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ КАК ПРЕДМЕТ ПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА¹

Алексей Анатольевич КОРНИЕВСКИЙ

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Саратов, Россия*

*kornievskaya@yandex.ru, SPIN-код: 7790-5214,
<https://orcid.org/0009-0007-9368-901X>*

Аннотация. Цель статьи состоит в уточнении определения такой предметной области политического анализа, как межгосударственные социокультурные связи с учетом особенностей современного этапа исторического развития.

Методология исследования основывается на системном подходе и некоторых эвристически ценных принципах диалектической логики и исторического материализма: принципах снятия, опосредования, восхождения от абстрактного к конкретному.

Результатом исследования является обоснование гипотезы об исторической эволюции пространства международного взаимодействия. Развитие технических средств освоения новых типов пространства приводит к переносу акцента значимости на эти новые типы. Обосновывается, что актуальным типом пространства взаимодействия является коммуникационное.

Обсуждение проблемы дает возможность аргументировано отказаться от использования термина «информационное пространство» применительно к среде взаимодействия, поскольку использование пространственной метафоры предполагает движение, хранение, передачу объектов, а информация не может быть определена субстанциально. В то же время специфика текста как феномена, лежащего в основе коммуникации, позволяет осмысленно говорить о коммуникационном пространстве. Коммуникация производна от взаимодействия и играет в современном мире особую роль.

Межгосударственные социокультурные связи обычно выступают такими устойчивыми взаимодействиями, формирующими коммуникационное пространство, которое, в свою очередь, может использоваться для применения технологии «мягкой силы». Этот вывод позволяет по-новому определить специфику исследования социокультурных связей в рамках политического анализа.

¹ Статья подготовлена при поддержке Минобрнауки РФ, проект «Современные социокультурные связи России и стран Ближнего Востока» (FEMS-2026-0007).

© Корниевский А.А., 2026

Ключевые слова: коммуникационное пространство, социокультурные связи, международные отношения, «мягкая сила».

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Корниевский А.А. Межгосударственные социокультурные связи в современном мире как предмет политического анализа // Вестник Поволжского института управления. 2026. Т. 26, № 3. С. 18–30. EDN:ALJFQR

Original article

INTERSTATE SOCIOCULTURAL RELATIONS IN THE MODERN WORLD AS A SUBJECT OF POLITICAL ANALYSIS

Alexey A. KORNIEVSKY

Saratov State University, Saratov, Russia
kornievskyaa@yandex.ru, SPIN: 7790-5214
<https://orcid.org/0009-0007-9368-901X>

Abstract. The purpose of the article is to clarify the definition of such a subject area of political analysis as interstate sociocultural relations, considering the peculiarities of the current phase of historical process.

Methodologically, the study employs a systems approach integrated with heuristically productive principles of dialectical logic and historical materialism: the principles of removal, the mediation principle, and the principle of ascent from the abstract to the concrete.

The study substantiates the hypothesis regarding the historical evolution of the international interaction space. The development of technical means for mastering new spatial types shifts the emphasis of significance toward these new domains. It is argued that the current primary mode of interaction space is communicative.

The analysis supports a reasoned rejection of the term “information space” in relation to the interaction environment since spatial metaphors imply the movement, storage, and transmission of objects, and information cannot be defined substantially. Conversely, the specificity of text as the phenomenon underlying communication permits a meaningful conceptualization of the communication space. Communication, derived from interaction, plays a pivotal role in the modern world.

Interstate sociocultural ties usually constitute the stable interactions that shape this communicative space, which in turn can be used for the application of soft power. This conclusion allows us to redefine the specifics of studying sociocultural ties within the framework of political analysis.

Keywords: communication space, sociocultural ties, international relations, soft power.

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation. Kornievsky A.A. Interstate Sociocultural Relations in the Modern World as a Subject of Political Analysis // The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration. 2026. Vol. 26, № 3. P. 19–30. EDN: ALJFQR

Введение. Социокультурные связи между государствами являются традиционной темой исследований в рамках политической науки и обычно понимаются как воспроизводящиеся взаимодействия между различными акторами (правительствами, организациями, отдельными индивидами и пр.), не имеющие непосредственно экономического или политического характера. Данное определение в основе своей имеет негативный характер, ибо социокультурные связи рассматриваются как находящиеся за рамками властных отношений и целенаправленного извлечения денежной прибыли. В их число обычно попадают взаимодействия в сфере образования, науки, спорта, туризма, искусства [1, с. 27] и т.п. Вместе с тем данное определение позволяет довольно четко отграничивать область возможных исследований, в чем, на наш взгляд, и состоит его основная функция. Социокультурные связи — не точный концепт, который дает возможность выйти на операционализацию и последующие измерения, но скорее некоторое общее понятие, задающее контекст для исследования. Тем не менее, поскольку в политической науке изучается власть как фундаментальный объект, постольку и социокультурные связи могут быть предметом политического анализа только в той части, где они значимы для политики, то есть оказывают влияние на власть. В связи с этим задача данной публикации состоит в уточнении актуальных границ той предметной области политического анализа, которая конвенционально формируется через категорию социокультурных связей (социокультурной сферы, социокультурных отношений).

Материалы и методы исследования. Структура данной работы включает две основные части. В первой части рассматривается актуальная действительность международных отношений в контексте исторической эволюции пространств взаимодействия. Во второй части обсуждается вопрос роли социокультурных связей в современном межгосударственном взаимодействии. Методология исследования основывается на системном подходе, позволяющем отразить в наиболее общей форме актуальные процессы в сфере международных отношений. Теоретический анализ проведен преимущественно с опорой на принципы диалектической логики (и некоторые эвристически ценные принципы исторического материализма), как-то: *принцип снятия*, предполагающий, что в процессе развития новые образования не отменяют полностью прежние структуры и связи, но лишь трансформируют их статус; *принцип опосредования*, согласно которому средства осуществления деятельности не являются чем-то внешним для самой этой деятельности, но, наоборот, существенным образом определяют

ее характер; *принцип восхождения от абстрактного к конкретному* [2], состоящий в том, чтобы изучать объекты через выявление (фиксацию в понятиях) их абстрактных сторон с последующим установлением более конкретных и сложных отношений между ними.

Результаты исследования. Глобальная политическая система (система международных отношений в широком смысле) может быть представлена как система взаимодействий. Вопрос о том, что следует понимать под системой, до настоящего времени не решен. Существует множество версий системного подхода, начиная от самых общих (Г. Гегель, К. Маркс, А.А. Богданов, Л. фон Берталанфи и др.) и завершая наиболее специфичными для социальных наук (Т. Парсонс, Д. Истон, Н. Луман). Для решения поставленной задачи излишне вдаваться в тонкости методологических споров вокруг системного подхода. В рамках данной работы примем обобщенные представления о системе как о совокупности взаимодействий. Существуют две обобщенные формы взаимодействия: сотрудничество и конфликт. Политическое взаимодействие при этом всегда предполагает актуальное или потенциальное воздействие на тело человека, расположенное в пространстве [3].

Типология физических пространств. Категория пространства (социального, политического и т.п.) еще более проблематична для определения, чем система. Чаще всего пространство в социальных науках используется в качестве метафоры в тех случаях, когда требуется описать феномены, предполагающие границы, перемещения, движение, концентрацию, взаимопроникновение, разделение на зоны (места) и т.п. Использование метафор, однако, требует от исследователя осторожности, так как ярким сравнением легко увлечься. Метафора, незаметно подвергнутая онтологизации (см., например, [4, с. 169]), начинает постепенно жить собственной жизнью и превращается из объяснительного или описательного инструмента в знак, не обладающий никаким объективным содержанием. Французский философ Ж. Бодрийяр квалифицировал такие знаки как симулякры [5, с. 7]. В связи с этими замечаниями постараемся в дальнейшем сохранять эпистемологическую бдительность. Уточним, о каком пространстве идет речь.

С философской точки зрения физическое пространство не обладает самоочевидной понятностью, так же как и любой иной тип пространства, но в контексте данного исследования имеет определенное преимущество, а именно — интуитивную чувственную достоверность. Можно спорить о том, что и как размещено в политическом простран-

стве (политические акторы или властные позиции, или нечто иное), однако перемещение в физическом пространстве кораблей, самолетов, армий остается несомненным фактом, если и не со всех возможных философских точек зрения, то по крайней мере с любой точки зрения в рамках политической науки.

Сухопутное, водное и воздушное пространства (при необходимости космическое — в качестве четвертого типа) составляют возможные измерения физической (природной) среды обитания человека. Авторская гипотеза заключается в том, что в разные исторические периоды разные типы пространства становятся определяющими для международного взаимодействия. Перенос акцента значимости с одного типа пространства на другой происходит вследствие появления новых технических средств преодоления (освоения) пространства. Земля, вода и воздух существовали всегда, но с появлением техники, позволяющей передвигаться в ранее не освоенном пространстве, меняется и значение самого пространства. В связи с этим необходимо сделать два замечания.

Во-первых, появление и распространение новых средств преодоления пространства происходит неравномерно. Существенные преимущества от обладания средствами передвижения приобретают те, кому удастся сконцентрировать их в своих руках и удерживать монополию в этой сфере. Во-вторых, перенос акцента значимости с одного типа пространства на другой не приводит к тому, что предыдущий тип пространства утрачивает свое значение. При этом новый тип пространства выходит на первый план, как бы «снимая» предыдущий, но сохраняя его значение. Понятие акцента значимости по своей функции здесь аналогично понятию «зона акцента», предложенному А.Н. Неверовым при периодизации экономического развития [6].

До XVI в. ключевым пространством для международного взаимодействия было сухопутное, однако с началом эпохи Великих географических открытий геополитический акцент значимости смещается на морское пространство. Государства, первыми освоившие этот новый тип пространства, — Англия, Испания, Португалия — получили решающее геополитическое и геоэкономическое преимущество. Вплоть до XX в. контроль над морем составлял основу военной и экономической мощи ведущих держав. Он обеспечивал беспрепятственную торговлю, возможность блокировать передвижения флота противника и, что самое важное, быстрый доступ к колониям Нового Света. Освоение этих территорий, где местное население значительно уступало европейцам

в техническом и военном развитии, стало главной целью заморских военных кампаний. В начале XX в. развитие авиатехники приводит к очередному смещению акцента с морского (водного) пространства на воздушное.

При этом со второй половины XIX по вторую половину XX в. происходит своеобразный ренессанс значимости сухопутного пространства. Этот процесс был обусловлен развитием железнодорожного и автомобильного транспорта, что позволило частично компенсировать преимущества морских держав. Данный факт еще раз свидетельствует о том, что развитие в сложных системах не происходит равномерно и однонаправленно. С повышением значимости сухопутного и морского пространства для международного взаимодействия связывается и появление геополитики в качестве попытки ученых воспользоваться модной во второй половине XIX в. органической метафорой (Ч. Дарвин, Г. Спенсер) для описания государства как организма, существующего на определенной территории, составляющей жизненное пространство нации (Ф. Ратцель, Р. Челлен и др.).

К середине XX в. в мире произошел ряд существенных изменений, качественно преобразовавших пространство человеческого взаимодействия. Во-первых, завершилось построение искусственной среды обитания. Во-вторых, национальные государства поделили между собой всю территорию на планете. В-третьих, появилось ядерное оружие.

Проанализируем эти изменения в комплексе, уделяя особое внимание их взаимному влиянию.

Нефизические пространства. В философской антропологии А. Гелена человек определяется как существо, создающее собственную среду обитания через активное освоение и преобразование окружающего мира [7, с. 29]. О перестройке биосферы под интересы «свободно мыслящего человека» писал и В.И. Вернадский [8, с. 356]. С точки зрения русского ученого, новое состояние биосферы, преобразованной человеческой деятельностью, может быть названо «ноосферой» (термин впервые предложил Эдуар Ле Руа в 1927 г.). Созданная человеческой деятельностью среда обитания для поддержания своего функционирования и развития нуждается в энергоносителях и людях. Без энергоносителей не может функционировать материальная база, а без людей не может существовать деятельность, благодаря которой только и воспроизводится сама искусственная среда.

Неотъемлемым элементом человеческого взаимодействия является информация. В самом общем виде, вслед за немецким социологом

Н. Луманом, информацию, на наш взгляд, следует понимать как событие, определяющее состояние системы [9, с. 102]. Само же событие может быть определено как «смысловой комплекс, означающий соотносительное акту наблюдения единство» [10, с. 9].

В теории Н. Лумана смысл производится в системах, а не отдельными людьми, однако смысл не может существовать там, где нет человека. Возникновение масштабных социальных систем, объединяющих людей на огромных расстояниях, потребовало развития средств коммуникации для обеспечения управления. Именно поэтому с середины XX в. появляются многочисленные теории, определяющие современную реальность как информационную, коммуникационную, сетевую, а впоследствии и цифровую. Процесс опосредования взаимодействия техническими средствами получил название «медиатизация». Это не узкоспециальный, а универсальный процесс, эффекты которого сегодня исследуются в самых разных областях: от политической коммуникативистики [11] и эволюции научного знания [12] до исторической памяти [13] и мировой политики [14]. В результате современные взаимодействия между людьми, включая международные отношения, оказываются крайне насыщены (опосредованы) разнообразными средствами коммуникации.

В XVI—XX вв. вектор человеческой экспансии был направлен вовне — на освоение физического пространства (сухопутного, морского, воздушного). Эта деятельность носила как экстенсивный, военно-экспедиционный, так и интенсивный, научно-технический характер. Однако к концу XX в. ситуация принципиально изменилась. Природа была в значительной степени подчинена, а географическое пространство Земли оказалось поделено между государствами — политическими системами, жестко привязанными к территории через идею нации. Новой точкой приложения сил становится не внешний мир, а сам человек и созданная им искусственная среда обитания. Если в Новое время целью человечества было овладение физическим пространством, то теперь задача состоит в познании и преобразовании той искусственной среды обитания, которая стала результатом прошлой ступени эволюции.

До середины XX в. главной целью военных конфликтов был захват и удержание территории. Последней войной, в которой эта цель была поставлена в явном виде (в форме борьбы за жизненное пространство), стала Вторая мировая.

В современную эпоху война с целью захвата новых территорий ограничивается множеством факторов, выделим наиболее очевидные:

— появление ядерного оружия делает крупномасштабные войны между ведущими державами экзистенциально опасными, что в свою очередь значительно снижает шансы их возникновения;

— ограниченный характер использования военных приобретений из-за распространения гуманистической идеологии (захваченный народ нельзя напрямую ограбить или обратить в рабство);

— кризис традиционных механизмов легитимации власти, снижающий мобилизационный потенциал государств и их способность вести затяжные войны за территориальные приобретения.

Таким образом, сочетание трех факторов — невозможности широкой территориальной экспансии, повсеместного распространения государств и качественной эволюции средств коммуникации — создает уникальную ситуацию. Государства вынуждены взаимодействовать друг с другом в условиях, когда полномасштабный военный конфликт немислим из-за угрозы ядерного оружия, однако конфликтность как таковая сохраняется.

В этой ситуации неизбежной представляется очередная смена акцента. Актуально значимое пространство взаимодействия (а, следовательно, и конфликта) с середины XX в. может быть определено как информационное, или коммуникационное. Эту идею, однако, можно воспринимать скорее в качестве гипотезы. Возросшее значение информации и коммуникации в современном обществе очевидно. Но неочевидно, что «информационное пространство» — это реально существующий объект, а не просто удобная метафора. Здесь требуется эпистемологическая точность, чтобы различать инструмент описания и саму действительность. Следовательно, необходимо совершить теоретическую «остановку» (по Э. Гуссерлю) и рефлексивно отнестись к полученным результатам.

Обсуждение результатов. Использование метафоры пространства для описания социальных процессов обусловлено ее удобством в тех случаях, когда имеется совокупность разнородных, сложным образом связанных друг с другом элементов. Пространство в качестве категории в этом случае служит как бы собиранию этих элементов в единое целое, где в дальнейшем можно произвести необходимые различения. Однако любая метафора несет в себе неявные теоретические допущения. Применительно к пространству заранее предполагается, что в нем что-то должно находиться и перемещаться (если, конечно, речь не идет о сознательном использовании пространства в кантовском понимании, как априорной формы чувственного созерцания).

Этот подход сталкивается с трудностями при попытке описать феномен информации. Рассмотрим пример: человек видит зайца в лесу. Мы говорим, что он получил «информацию». Но что именно ею является? Ни сам заяц, ни свет, ни нейронный сигнал, ни образ в памяти не могут быть названы информацией в строгом смысле. Информация — это не объект, а, как уже упоминалось, смысловое единство, возникающее в акте наблюдения и изменяющее состояние системы. Поскольку информация определяется функционально (через системную операцию), а не субстанциально, она является принципиально непространственным феноменом. Согласно Н. Луману, нельзя утверждать, что информация поступила, была передана или утрачена [9]. Именно поэтому назвать новый тип пространства «информационным» нельзя, но вполне возможно обозначить его как коммуникационное пространство, подразумевая под этим реально существующий объект. Базовым элементом коммуникации всегда является текст, а текст имеет принципиально физическую природу (то есть существует в физическом пространстве), поскольку состоит из знаков, представляющих собой материальные объекты (чернила на бумаге, звуковые волны, обеспечивающие устную речь). Возможно, метафора пространства применима только в том случае, если имеется связь с физическим пространством.

Коммуникация не может существовать без взаимодействия. Взаимодействие событийно, то есть состоит из последовательностей событий. Коммуникационное пространство в своей основе может быть описано с помощью пяти элементов. Во-первых, *текстов*, которые всегда находятся в некотором функциональном отношении к взаимодействию, обеспечивая его. В зависимости от функции тексты могут быть подвергнуты типологизации. Например, тексты-мифы повествуют о сакральных событиях, создающих основу ценностно-нормативной идентичности человека (бинарные оппозиции, позволяющие различать добро и зло, правильное и неправильное, нужное и ненужное, прекрасное и отвратительное и т.д.); тексты-нарративы представляют собой повествования об актуальных событиях в их отношении к мифам; их функция состоит в том, чтобы связывать актуальное с сакральным и тем самым производить бинарное кодирование (то есть осуществлять редукцию сложности — в терминах Н. Лумана) и т.п. Во-вторых, *коммуникантов* — производящих и интерпретирующих тексты. В-третьих, *знаковых систем (языков)*, позволяющих создавать тексты по единым для всех правилам. В-четвертых, *тем коммуникации*, фик-

сирующих предметную плоскость коммуникации, отвечающих на вопрос о том, что обсуждается. В-пятых, *истории коммуникации*, где фиксируются взаимосвязанные изменения текстов, тем, состава коммуникантов и т.д. Указанные элементы, конечно, представляют собой сложные объекты и, в свою очередь, могут быть разложены на дополнительные структуры и элементы.

Выделенные пять элементов позволяют выстроить базовую структуру коммуникационного пространства не как метафору, а как реально существующий объект исследования.

Коммуникационное пространство в рассматриваемом значении существовало с того времени, как люди начали обмениваться текстовыми сообщениями. Но лишь с середины XX в., будучи по аналогии с сухопутным, морским и воздушным пространствами освоенным с помощью новых технических средств (книгопечатания, средств массовой информации, цифровых устройств), коммуникационное пространство стало действительно значимой средой политического, в том числе международного, взаимодействия.

Политическое властное взаимодействие, на наш взгляд, целесообразно рассматривать сквозь призму четырех измерений: символических средств управления поведением (приказов, законов и т.п.); мотивации к подчинению (позитивной или негативной); возможности свершения действий (выиграть войну, подавить бунт и т.д.); материальных и идеальных ресурсов, обеспечивающих действия [15]. Введение данных концептуальных дополнений позволяет выявить значимость современного коммуникационного пространства как среды взаимодействия в силу массового и быстрого распространения текстов, используемых в качестве *символических средств управления поведением*.

Социокультурные связи между государствами — это устойчивые взаимодействия различных акторов. Над взаимодействием всегда надстраивается коммуникация, а в случае, если это взаимодействие устойчиво, то образуется сложное и многомерное коммуникационное пространство. Это пространство включает массы коммуникантов, функционирует и развивается иначе, чем в предыдущие эпохи. Теоретик «мягкой силы» Дж. Най характеризовал современную ситуацию так: «Власть над сердцами и умами всегда была важна, но сегодня, в глобальный информационный век, она особенно важна. Информация — это сила, а современные технологии распространяют информацию так широко, как никогда прежде» [16, с. 1].

Таким образом, межгосударственные социокультурные связи становятся основным фактором формирования общего коммуникаци-

онного пространства, а значение его для политики сегодня сложно переоценить. В порядке гипотезы можно даже предположить, что в ближайшие десятилетия внутренние структуры многополярного мира, который, по нашему мнению, в 2026 г. из нормативной модели описания актуальной ситуации международного взаимодействия окончательно превратился в позитивную (хотя по-прежнему существуют и иные точки зрения на этот счет [17]), будут определяться не идеологической или цивилизационной общностью, а коммуникативной. В настоящее время государства, относящиеся к разным цивилизациям, исповедующие принципиально различные религии и идеологии, объединяются иногда в ситуативные, а иногда и в более долгосрочные союзы. Впрочем, данная гипотеза нуждается в специальном отдельном обосновании.

Резюмируя изложенное, попытаемся сформулировать итоговое определение предметной области, связанной с социокультурными отношениями в рамках политической науки. *Социокультурные связи могут быть определены как устойчивые (воспроизводящиеся) межгосударственные взаимодействия, основанные на сотрудничестве и не носящие характера уникальных (разовых) событий.* К социокультурным связям в таком случае не будут относиться межгосударственные конфликты, а также уникальные исторические взаимодействия. Однако при таком определении к социокультурным связям следует относить воспроизводящиеся экономические и политические взаимодействия, поскольку любые образовательные, туристические, миграционные и прочие отношения, традиционно относящиеся к социокультурной сфере, всегда имеют экономическую и политическую составляющие.

Заключение. Цель данной публикации — уточнить предметную область исследования межгосударственных социокультурных связей с учетом актуальной исторической ситуации в международных отношениях — осуществлялась через введение и обоснование базовой модели, описывающей коммуникационное пространство как объект. Предложен и обоснован комплекс взаимосвязанных гипотез, а именно, что в ходе исторического развития международное взаимодействие наблюдается в разных типах пространств. С середины XX в. активное взаимодействие происходит в коммуникационном пространстве, хотя значение других типов пространств при этом не снижается. Принципиальным является положение о том, что коммуникация всегда производна от взаимодействия и выстраивается по его поводу. Следовательно, межгосударственные социокультурные связи оказываются воспроизводимыми

взаимодействиями, в ходе которых формируется общее коммуникационное пространство, оказывающее, в свою очередь, значительное влияние на политическую сферу в XXI в.

В настоящее время политическая теория остро нуждается в методологии, где учитываются как общеполитические, так и междисциплинарные знания. Безусловно, изучение отдельного случая (case-study) остается наиболее востребованным типом исследования в сфере международных отношений, глобальной политики и регионалистики, однако для его проведения необходима специальная теоретико-методологическая работа.

Список источников

1. Сотникова В.М., Смертин Ю.Г. Российские и китайские города-побратимы и города-партнеры // Власть. 2024. Т. 32, № 6. С. 26–36. DOI: 10.24412/2071-5358-2024-6-26-36. EDN: NBISSR
2. Зиновьев А.А. Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса). М.: Институт философии РАН, 2002. 321 с. ISBN 5-201-02089-5
3. Филиппов А.Ф. Пространство политических событий // Полис. Политические исследования. 2005. № 2. С. 6–25. EDN: HSOEMT
4. Киреева О.Ф., Квернадзе Э.Т. Медиатизация политического пространства: проблемы инклюзивности новых медиа // Коммуникология. 2025. Т. 13, № 3. С. 168–175. DOI: 10.21453/2311-3065-2025-13-3-168-175. EDN: NHMWDC
5. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: ИД «ПОСТУМ», 2015. 240 с.
6. Неверов А.Н. Периодизация экономического развития по зонам акцента // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2012. № 1 (40). С. 39–42. EDN: PIXCPB
7. Gehlen A. Man. His Nature and Place in the World. New York: Columbia University Press, 1988. 400 p. URL: <https://archive.org/details/manhisnatureplac0000gehl/page/n5/mode/2up>
8. Вернадский В.И. Биосфера (избранные труды по биогеохимии). М.: Мысль, 1967. 374 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01006113679?ysclid=mp2huq7i80268238626>
9. Luhmann N. Soziale Systeme: Grundriss einer allgemeinen Theorie. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1991. 674 p. ISBN 351857700X
10. Филиппов А.Ф. Sociologia: Наблюдения, опыты, перспективы. М.: Владимир Даль, 2015. Т. 2. 468 с. ISBN 978-5-93615-165-1
11. Гуреева А.Н., Киреева П.А. Формирование медиаобраза государства в контексте медиатизации политической коммуникации // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2022. № 6. С. 28–56. DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2022.2856. EDN: YHNWGV
12. Тихонова С.В., Шиповалова Л.В. Медианаука как актант новой социальной онтологии // Философия: журнал Высшей школы экономики. 2025. Т. 9, № 3. С. 177–199. DOI: 10.17323/2587-8719-2025-3-177-199. EDN: IOSXUT
13. Тихонова С.В., Артамонов Д.С. Социальные медиа как арена конструирования исторической памяти // Вестник Российского фонда фундаментальных

исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2023. № 4 (115). С. 74–83. DOI: 10.22204/2587-8956-2023-115-04-74-83. EDN: CXGOWU

14. Ямалова Э.Н., Ибрагимова Э.И. Медиатизация в мировой политике // Теории и проблемы политических исследований. 2025. Т. 14, № 6-1. С. 144–150. DOI: 10.34670/AR.2025.43.86.014. EDN: PZWRER

15. Корниевский А.А. Концептуализация политической власти: на пути к определению политической системы // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Философия. 2024. № 3 (69). С. 50–59. DOI: 10.26456/vtphilos/2024.3.050. EDN: SMJGUZ

16. Nye J.S. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004. 191 p. URL: <https://archive.org/details/softpowermeansto00nyej>

17. Аласания К. Ю., Моцелков Е.Н. Многополярный мир в XXI веке: философско-политологические размышления // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 2025. Т. 49, № 3. С. 72–83. DOI: 10.55959/MSU0201-7385-7-2025-3-72-83. EDN: JFOUIU

Сведения об авторе

КОРНИЕВСКИЙ

Алексей Анатольевич,
аспирант кафедры теоретической
и социальной философии
Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского
Саратов, Россия
kornievskyaa@yandex.ru,
SPIN-код: 7790-5214,
<https://orcid.org/0009-0007-9368-901X>

Статья поступила в редакцию
04.03.2026

Одобрена после рецензирования
06.04.2026

Принята к публикации
25.05.2026

The author

Aleksey A. KORNIEVSKY,

Candidate of Sciences (Law),
Docent at the Department
of Theory and History of State and Law
Saratov National Research State University
named after N.G. Chernyshevsky
Saratov, Russia
kornievskyaa@yandex.ru,
SPIN-код: 7790-5214,
<https://orcid.org/0009-0007-9368-901X>

The article was submitted
04.03.2026

Approved after reviewing
06.04.2026

Accepted for, publication
25.05.2026